
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор
С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия
Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этуд из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивлянова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

А. Г. Юрченко

Монгольская мужская прическа XIII века

Мужчины Монгольской империи обязаны были носить сложный тип прически. Требование одинаковой укладки волос на голове распространялось на всех мужчин, находящихся на службе, независимо от их этнического происхождения и социального статуса. Прическа Чингис-хана не отличалась от прически рядового воина в его армии. Это обстоятельство требует объяснения, особенно с учетом того факта, что в империи царил принцип строгого иерархического соподчинения, который предполагает существенные различия во внешнем облике. Так, например, костюм старших по званию имел важные отличительные детали; в первую очередь это касается золотых поясов¹. Корпоративная солидарность великого хана и его гвардии нашла отражение в геральдических символах: седло и конские ремни Чингис-хана и кешиктенов (дневной и ночной стражи в ставке хана) украшались фигурами свернувшихся драконов². Различались по материалу и надписям пайцзы³, правом пользования «зонтом» обладало лишь ограниченное число высших военных чинов и члены императорской фамилии⁴, а мужская прическа была одинакова для всех. Удивление вызывает как раз однообразность формы прически. В семиотическом плане эту прическу можно рассматривать как знак, который всегда «находится» при мужчине. Очевидная функция этого знака заключалась в идентификации «своих» на фоне «чужих». Наша задача — выявить ролевое поле этого знака. В известном смысле можно утверждать, что все военнообязанное мужское население Монгольской империи представляло консолидированную группу, внешним признаком которой и выступала прическа. В исторической энциклопедии Винцентия из Бовэ (1265 г.), который использовал донесения дипломатических миссий к монголам и другие документы из архива римской курии, после описания монгольской прически сказано, что точно так же бреют макушку и носят косы за ушами все, кто живет вместе с ними: команы⁵, саррацены и другие, но лица этих людей не похожи на лица татар⁶. Таким образом, вопрос о неизменном постоянстве способа укладки волос выходит далеко за пределы этнографической проблематики и, видимо, должен

рассматриваться в другой системе координат. Речь идет об имперской культуре. Так, например, уже упоминавшиеся воинские пояса с геральдическими изображениями драконов появляются в монгольской среде как бы в одночасье. И связано это было с резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206 г., когда при оформлении новых элит потребовались новые объединительные символы. В строго иерархической вертикали империи правая мужская сторона «уравновешивалась» левой женской (ср: Рашид ад-Дин. Т. II: 133). Женским эквивалентом сложной мужской прически выступала *бокка*. И подобно тому, как форма прически была одинаковой для всех мужчин от императора до рядового воина, так и форма *бокка* была одинаковой для всех женщин в империи. Разумеется, что речь идет о женах, чьи мужья состояли на военной или административной службе у великого хана.

Свидетельствам современников событий, как правило, обращавших внимание на внешнюю сторону явлений⁷, принадлежит решающее значение для анализа заявленной темы, ибо нас интересует функция мужской прически. Прояснив мотивацию подобных описаний, мы сможем приблизиться к пониманию истинного назначения того или иного предмета в имперской культуре (одежды, головного убора, прически). Известно, что отличительные черты во внешнем облике представителей любого сообщества выполняют функцию культурного знака, в котором материализована невидимая для наблюдателя система социальных связей. В середине XIII в. усилиями францисканцев христианский Запад открывал для себя ранее малоизвестный мир азиатской культуры. В донесениях францисканской миссии 1245 г., побывавшей в кочевой столице великого хана близ Каракорума, среди множества разнообразных и важных тем включены детальные описания монгольской мужской прически. С какой целью это сделано? Трудно предполагать, что римская курия интересовалась подобными вещами. Следовательно, у папских послов имелись какие-то веские основания для описания внешнего облика монголов. Проведя более полутора лет в странствиях по дорогам Монголь-

ской империи и участвуя в важных церемониях (коронации хана Гуока), они могли на собственном опыте убедиться в том, что империя выработала сложную систему символов. Донесения францисканцев являются своеобразным тестом, призванным ответить на ключевые для Запада вопросы о появлении на культурном горизонте христианского мира грозной и неизвестной силы. Не секрет, что монгольское нашествие было воспринято западной элитой как предвозвестие Страшного Суда. Истинной целью странствия францисканцев был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и снять напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Мир имперской культуры, открывшийся взорам францисканцев, не соответствовал слухам и стереотипам западных христиан, поэтому одна из скрытых целей миссии заключалась в создании новой картины Азии. Несомненно, папские послы осознавали степень неосведомленности Запада относительно восточных реалий. Сложнее ответить на вопрос, как далеко готовы были пойти они в скрытой полемике с ирреальными представлениями современников. Донесения миссии задают новую перспективу в восприятии Азии, решительно порывая с апокалиптической традицией, нашедшей свое монументальное воплощение в творчестве Матвея Парижского⁸. На практике это означало внимание к детальному описанию внешних проявлений чужого образа жизни, за которым угадывается стремление осознать феномен имперской культуры. Масштабность поставленных целей определяла характер наблюдений францисканцев. Поэтому, обращаясь, казал бы, к частным сведениям из их донесений, следует помнить, для какой аудитории предназначались эти описания.

В глазах средневекового европейца острижение волос ассоциировалось с жизнью в обществе по определенным правилам поведения⁹. Внешний вид и прическа жителей той или иной страны могли выступать в качестве одной из важных характеристик. Например, доминиканцы, отправившиеся на поиски «прародины венгров» в 1234 г., достигли Зихии. В отчете доминиканцев отмечается, что все мужчины в Зихии наголо бреют голову и тщательно растят бороды, и только знатные, демонстрируя свою знатность, оставляют над левым виском немного волос, выбривая всю остальную часть головы¹⁰. Самим францисканцам предписывалось уставом быть гладко выбритыми и носить тонзуру на голове. Выбритая макушка францисканцев поразительным образом напоминала выбритый круг на голове у монголов. Это случайное совпадение было отмечено самими францисканцами. Особый интерес ситуации придает и то обстоятельство, что китайские дипломаты этого времени тщательно образом описывали устройство монгольской прически.

Как уже сказано, участники францисканской миссии 1245 г. первыми из европейцев выполнили подробное описание этого ныне исчезнувшего способа укладки волос монголами. Наблюдения брата Иоанна де Плано Карпини и его спутника и переводчика брата Бенедикта Поляка во многом совпадают со сведения-

ми китайских дипломатов XIII в. И те и другие наблюдения находят подтверждение в портретах монгольских императоров — Чингис-хана, его сына и внука — Угедея и Хубилая и внука последнего — Тэмюра (1294—1307), найденных в 20-х годах XX в. в старом императорском дворце в Пекине¹¹.

Выглядела эта прическа следующим образом. У мужчин, начиная с первой стрижки волос, проводившейся в трех- или пятилетнем возрасте, выбривали макушку и затылок, но оставляли челку, свисавшую на лоб, и волосы на обоих висках (их заплетали в две небольшие косички). У мальчиков они торчали короткими хвостиками в разные стороны, мужчины их укладывали локонами за ушами. На средневековых каменных изваяниях, найденных в степях Восточной Монголии и, вероятно, изображавших представителей «золотого рода» Чингизидов, в ряде случаев прослеживается именно такой тип прически¹². К XX в. эта прическа естественно вышла из употребления, но ее детский вариант с двумя торчащими косичками изредка встречается и в наши дни в отдаленных районах Монголии¹³.

Брат Бенедикт в своем донесении, сохранившемся в пересказе брата Ц. де Бридиа, сообщает: «Они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как саррацены»¹⁴. Согласно сведениям брата Иоанна, «на темени у них тонзура, как у клириков, а от одного уха до другого все, как правило, выбривают [полосу] шириной в три пальца; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутой тонзурой. Также и над лбом они все сходным образом выбривают [полосу] шириной в два пальца. А те волосы, которые находятся между тонзурой и вышеотмеченной выбритой [полосой], отпускают расти до самых бровей и, выстригая [их] с обеих сторон лба больше, чем в середине, делают длинные пряди. Остальным же прядям они, как женщины [у нас], дают расти; из них делают две косы и каждую [из кос] привязывают за [соответствующим] ухом»¹⁵.

Согласно наблюдениям южнокитайского посла Чжао Хуна (1222 г.), «в верхах вплоть до [самого] Чингиса и в низах до [рядового] подданного все бреют голову, оставляя три чуба, как у китайских мальчиков. Когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи»¹⁶. Секретарь другой южнокитайской дипломатической миссии ко двору монгольского главнокомандующего в Северном Китае (1233 г.), Пэн Да-я отмечает: «[Что касается] их головных уборов, [то они] распускают волосы и завязывают [их] в узлы»¹⁷. «Мужчины и девичьи связывают волосы и опускают их на уши» — отмечается в путевых записках о путешествии даосского монаха Чань Чуня в Монголию и Среднюю Азию в 1220—1226 гг.¹⁸ В переводе Н. Ц. Мункуева это предложение звучит так: «Мужчины связывают волосы и свешивают [их] до ушей»¹⁹. Близкую к монгольской мужской прическе носили кидани; они также брили волосы на макуш-

ке, а сзади и по бокам оставляли²⁰. Важный материал по киданьскому костюму, и по прическам в частности, дают настенные росписи гробниц киданьской знати X—XI вв. Согласно изображениям, макушка и затылок выбриты, на висках всегда две длинные пряди, нередко заплетенные в косички; пряди свисают перед ушами или заложены за уши. Часто над лбом, от виска к виску, оставлена ровная короткая челка.

Очевидно, что за «этнографическими» описаниями западных и восточных дипломатов скрыты жизненные реалии монгольской империи²¹. Империя манифестировала свое рождение на всех уровнях бытия, от повседневной жизни²² до общегосударственных праздников и ритуалов²³. Почти с неизбежностью этот процесс породил поток символов, призванных узаконить новую расстановку сил. Сложнее ответить на вопрос, насколько этот факт осознавался наблюдателями и теми, кто был вынужден принять новую реальность. К середине XIII в. этноним *монгол* превратился в общеимперский политоним²⁴. Рашид ад-Дин отмечает, что в его время, т. е. в XIV в., тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени»²⁵. Причина этого стремления — величие и могущество монголов. «Ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами»²⁶. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых групп. «Монголами» были все, кто обрел свое место в новой иерархии власти. Можно не сомневаться, что кидань Елюй Чу-цай, советник Чингис-хана по управлению Китаем, и венецианец Марко Поло, служивший гонцом при Хубилае, носили халаты и прически на монгольский манер. В этой перспективе требование однообразия мужской прически, наряду со способом запахивания полы одежды и женским головным убором *бокка*, следует рассматривать как интегрирующие факторы в жизни «Великого монгольского государства». Перечисленные внешние формы выступали как признак включенности в новую социальную среду и подчинения императивам «Великого монгольского государства». Приведу два примера. Первый, типологического характера: в 1207 г. правитель Сычуани У Си объявил о неподчинении Южной Сун и обратился за покровительством к империи Цзинь. Он даже ввел «варварский» способ запахивания полы одежды на левую сторону, что было символом полного подчинения чжурчжэньским правителям²⁷. Присутствуя летом 1246 г. на главной церемонии — аудиенции с великим ханом, францисканцы на какое-то мгновение стали участниками мировой драмы, ибо по условиям ритуала им следовало облачиться в шитые золотом халаты²⁸. В противном случае, они не были бы допущены пред лицо императора. Как хорошо известно, вступая в орден, братья минориты приносили обет бедности, обязуясь, в частности, ходить босиком, а из одежды пользоваться только туникой из грубой шерсти. На приеме у великого хана францисканцы проявили удивительную дипломатическую гибкость. С точки зрения орга-

низаторов ритуала, облачение участников в праздничные одеяния символизировало их включенность в космос империи и определяло их место в иерархии власти²⁹. И одновременно призвано было продемонстрировать лояльность представителей еще не покоренных территорий новому владыке мира. Другими словами, послы папы (а в их лице и сам папа) мыслились как подданные империи³⁰. Видимо, это обстоятельство ускользнуло от внимания францисканцев. Секретарь султана Джелал ад-Дина, ан-Насави с осуждением пишет о правителе Хамадана, который подчинился монголам во время их войны с хорезмшахом: «Он вступил с ними в переписку, выказывая покорность, послушание и объявляя о своем подчинении. Татары прислали ему татарскую почетную одежду, известную злополучием и скроенную подлостью и позором. И он надел ее, выказывая им дружелюбие, и очернил свое лицо краской отступничества»³¹.

Известно, что средневековые общества были обществами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный³². Это положение и иллюстрируют вышеприведенные описания, выполненные представителями других культур. В частности, донесения францисканцев призваны были, в противовес невероятным слухам о диких обитателях степей, представить мир кочевников как высоко организованный социум. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Францисканцы, описывая форму мужской прически, на самом деле описывают имперскую униформу. Сам факт подробного описания монгольской мужской прически в отчетах европейских и южнокитайских дипломатических миссий свидетельствует о значимости этой внешней детали как имперского символа. Интересно отметить, что в Корее одно время монголы требовали от короля и его подданных наличия кос как знака покорности³³. После взятия Самарканда монголы вывели население и гарнизон в степь, отделили тюрков от таджиков и всех распределили на десятки и сотни. «По монгольскому обычаю тюркам они [приказали] собрать и закрутить волосы [дословно: тюркам соорудили на монгольский манер *нузүлэ* и *какүл*. *Какүл* — особый вид прически, при которой волосы собирались на голове пучком и закручивались]»³⁴. Согласие тюрков изменить прическу гарантировало им сохранение жизни. Известны и обратные примеры, но в таких случаях изменение монгольской прически на прическу противника относилось уже к разряду боевых хитростей. Иллюстрацией к словам брата Иоанна о том, что монголы «самые хитрые [из всех] в военном деле» может служить история с переодеванием войска Хулагу-хана. При осаде одного из городов в окрестностях Мосула, сообщает Рашид ад-Дин, монголы переоделись в одежду сирийцев, «выпустив по курдскому обычаю волосы». «Жители города, полагая, что это сирийцы, которые идут [им] на помощь, вышли [из города] навстречу и торжествовали. Монгольское войско окружило их со [всех] сторон и не одного не оставило в живых»³⁵. В хронике сирийского автора ал-Макина ибн ал-Амида сообщается о трагической судьбе айю-

бидского принца, который в 1260 г. подчинился монголам, а потом предстал перед своими собратьями по вере и был предан смерти по приказу султана за то, что «одевался на татарский манер, пил вино во время рамадана и нарушал законы ислама»³⁶. Христианская Европа, похоже, быстро научилась распознавать монголов по их внешнему виду. Когда слуги Иоанна де ПIANO Карпини по просьбе кардинала, легата Алемании, вошли на прием к нему в монгольских одеждах, то чуть не были убиты рыцарями-тевтонцами, принявшими их за настоящих монголов.

При династии Юань китайцы должны были заплетать волосы в косу и укладывать ее узлом, носить монгольское платье и говорить на языке «северных варваров»³⁷. После свержения династии Юань новый китайский император издал указ восстановить формы одежды, головных уборов населения по танскому образцу. Все «монгольское» было запрещено. На основании древних книг об обрядах были установлены для всех классов населения формы повседневной одежды, жилищ, экипажей и т. д. соответственно рангам и сословиям. Любые нарушения пресекались законом.

Чагатаи при Тимуре (конец XIV в.) считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и по своему военному устройству оставались верны традициям Чингис-хана. Резким внешним отличием Тимура и его воинов от прочих мусульман были сохраненные ими, по монгольскому обычаю, косы, что подтверждается и некоторыми среднеазиатскими иллюстрированными рукописями того времени³⁸. Головной убор одного из «чагатаев» в описании испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо выглядел следующим образом: сеньор Эрзинджана «на голове носил высокую шапку, отделанную жемчугом и драгоценными камнями. Верх шапки имел золотое навершие, с которого спускались две косы, из красных волос, сплетенные в три пряди, ниспадавших сзади и доходящих до плеч. Эти волосы, так сплетенные, и есть знак отличия [воинов] Тамурбека»³⁹. Испанский посол совершенно верно отметил знаковый характер косы в облике чагатаев. Нам остается лишь добавить, что эта коса унаследовала имперскую моду начала XIII в. Когда войско Тимура осаждало Дамаск (1400—1401 гг.), его внук Султан-Хусейн изменил своему деду и перешел на сторону осажденных; ему прежде всего отрезали косу и заставили переменить одежду⁴⁰. Приведенные примеры показывают, что в средневековых государствах кочевников прическа взрослых мужчин определяла в первую очередь социальный статус человека. Может создаться впечатление, что только на Востоке мужская прическа была предметом государственного интереса. В средневековой Европе наблюдалось то же самое явление, но функция контроля принадлежала церкви. Папский легат, епископ Филипп де Фермо, прибыв на собор в Буду (Венгрия) в 1279 г., обвинил венгров, которые, казалось, решили отвергнуть христианство, изменив свои прически и одежды по образцу, заимствованному у команов⁴¹. Обвинение касалось безобразно распущенных длинных волос и одежды, подобающей женщинам. Епископ призвал венгров вернуться к прежнему виду и католической вере. Тем самым он обозначил влияние команов, обосновавшихся в Венгрии, после того, как те по-

кинули причерноморские степи. Влияние команского имиджа было настолько сильным, что вызвало тревогу у духовенства, обеспокоенного за чистоту веры.

По мнению Д. Баяра, строгое соблюдение традиционной формы укладки волос диктовалось символической значимостью волос в системе представлений монголов XIII—XIV вв.: данные героического эпоса и исторических хроник указывают на то, что у монголов существовало особое отношение к волосам мужчины как к символу чести и непобедимости⁴². Возникает вопрос: зачем же тогда монголы заставляли своих побежденных противников носить волосы на монгольский манер? Символическое значение, о котором пишет Баяр, могло быть связано с формой прически, тогда как ее знаковая (содержательный аспект) определялась иными причинами. Истоки этого явления следует искать в новой реальности, отвечавшей потребностям империи. Насильственная смена прически у тюрков-канглы, корейцев и китайцев выступала как знак их покорности новым правителям. Одновременно смена прически (и, шире, всего внешнего облика) свидетельствовала о приобщении покоренных народов к новой социальной среде «Великого монгольского государства»⁴³. Перемена прически, равно как и одежды, означала превращение новых подданных в «монголов», что открывало им доступ к известным социальным привилегиям. Иными словами, тип прически выступал как надэтнический, общеимперский признак, и в каком-то смысле даже не являлся личным достоянием носителя. Сравним с любопытными сведениями автора XVIII в. статского советника А. В. Игумнова, который описывает правовые обычаи современных ему монголов: «Если двое между собой подерутся и один другого схватит за косу, или оную и совсем вырвет, то сей учинит преступление наказания достойное: ибо коса принадлежит князю и служит знаком верноподданства; но если около косы будут незаплетенные длинные волосы, то за оные может тереть всякой не опасаясь наказания, потому что сии волосы почитаются собственностью не принадлежащею князю»⁴⁴. Тот же автор пишет в примечании: «По завоевании Китая манджуями [манджурами], около половины XVII века, введено победителями в обыкновение, чтобы и китайцы подобно им стригли вокруг головы волосы и оставленный на маковке хохол заплетали в косу. Замечательно при том, что самые жестокие поступки манджуев не тревожили столь много китайцев как сия новость»⁴⁵. По материалам В. И. Вербицкого, у алтайцев чуб зайсанга до того неприкосновенен для окружающих, что к нему нельзя прикоснуться даже в момент пострижения волос⁴⁶.

В XIII в. сложная мужская прическа была одним из зримых образов складывающейся имперской культуры на всем ее широком пространстве от Китая до Восточной Европы. Возможно, именно по этой причине западные и восточные дипломаты обращали столь пристальное внимание на внешний облик правящей элиты и подчеркивали малейшие градации в этом облике. Становится ясным, что францисканцами двигало не любопытство к экзотическому способу укладки волос, а стремление наиболее адекватно описать символы империи в их зримом воплощении. Имперская мода выполняла функцию социального регулятора, очерчивая

границу между «своими» и «чужими», и одновременно оставляла открытой возможность для вхождения новых групп в культурное пространство империи. В XIII в. описанная францисканцами мужская прическа не была принадлежностью какой-то замкнутой, привилегированной группы. Собственно, на это обстоятельство, мы и хотели обратить внимание исследователей, прежде чем перейти к рассмотрению более поздних материалов.

Имперский тип прически переживет империю, но прежде чем стать этнографической реальностью, на протяжении столетий будет сохранять у кочевников функцию престижного знака. Барон Сигизмунд Герберштейн писал о прическах татар (начало XVI в.): «Волосы они отпускают только на бороде, а остальное бреют. Только более именитые носят за ушами косы, и [при этом очень] черные»⁴⁷. Ношение кос за ушами — монгольский тип прически. В 1476 г. через поволжские степи проехал венецианский дипломат Амброджо Контарини, который сообщает с чужих слов, что по другую сторону Волги кочуют дикие татары, и именно они носят длинные волосы до пояса⁴⁸. Длинные волосы «диких татар» напоминают прическу половцев. «А чело все бреют, кроме молодых и особ знатных, яко суть царики их и мурзы, иже себе хохлы наверху глав оставляют», — отмечает русский историк XVII в. Андрей Лызлов, описывая татар, кочевавших в причерноморских степях⁴⁹. Черкесские та-

тары, обитавшие в XVII в. между ногайской степью и Дагестаном, по словам Адама Олеария, выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные, как смоль, волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные⁵⁰. По наблюдениям Палласа (XVIII в.), у калмыков «все мужчины голову бреют и оставляют только на маковке прядку волос, которую обыкновенно в одну, а знатные в две или три косы плетут»⁵¹. В эпическом сказании «Джангар» встречается слово *кукел*, обозначающее часть прически героя (челку или чуб на лбу). Сейчас у всех монголоязычных народов словом *хохол* или *гохол* обозначают челку — небольшую свисающую вперед прядь волос, главным образом применительно к лошадям⁵². Это слово зафиксировано в «Сокровенном сказании» (§ 56) и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина в форме *kägül*, *kegül*. Баяр разделяет мнение, что данный термин позже был заимствован русскими в форме «хохол», тоже в применении к сходной по форме прическе, бытовавшей у запорожских казаков⁵³. Утверждение Баяра, частично повторяющее более раннюю гипотезу Г. Локоча, который возводил рус. *хохол* к перс. *kakul* 'прядь', совершенно неприемлемо, так как слова, родственные рус. *хохол* засвидетельствованы не только в чешском, словацком и польском, но также в полабском и в обоих сербо-лужицких языках⁵⁴.

Примечания

1. Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г. Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА. 1974. № 2.
2. Крамаровский М. Г. О доблести и пряжке у Чингизидов: (В связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения: Тез. докл. СПб., 1999. С. 43—44.
3. Münküjev N. Ts. A New Mongolian p'ai-tzu from Simferopol // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 31:2. 1977. P. 185—215; Крамаровский М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Золотая Орда и ее наследие. Тюркологический сборник 2000. М., 2002. С. 214—221.
4. Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 103.
5. Половецкой формой прически были три длинных косы, которые свисали по спине до пояса, см.: Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М., 1974. С. 51—52.
6. Talem etiam rasuram habent omnes illi qui cum eis sunt, ut Comani ad Saraceni et alii, sed facies hominum eorum dissimiles sunt facibus Tartarorum, см.: Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. XXX. 71.
7. Прически чужеземцев всегда вызывали интерес. Так, например, в «Хронографии» Феофана Исповедника (814 г.) сообщается: «В Византий вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбегался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна [одежде] остальных гуннов», см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. (Тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 52.
8. Ср.: Saunders J. J. Matthew Paris and the Mongols // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson. Toronto, 1969. P. 116—132; Hilpert H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris. Stuttgart, 1981.
9. Констебл Д. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей: Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 170—171.
10. Puxard. О существовании Великой Венгрии. 2. 5: Omnes viri caput omnino radunt et barbas nutriunt delicate, nobilibus excerptis, qui in signum nobilitatis super auriculam sinistram paucos relinquunt capillos, cetera parte capitis tota rasa; Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-Hist. Kl.). Göttingen, 1956. N 6. S. 125—202.
11. Сычев Л. П. Об иконографии Чингис-хана и его преемников // Народы Азии и Африки. 1968. № 6.
12. Баяр Д. Прически монголов в XIII—XIV вв. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993; Bayar D. Reverence for man's hairstyle in the traditional imagination of Mongols // Asiatic pacific culture. 1990. № 44. P. 2—5.
13. Консультация Н. Л. Жуковской.
14. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридия / Критич. текст, пер. с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 115.
15. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi; M. C. Lungarotti; E. Menestò. Spoleto, 1989. Cap. II. 2.
16. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Факсимиле ксилографа; Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 75.
17. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5. С. 140.
18. Си-ю Цзи, или Описание путешествия на запад // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. С. 288.
19. Цит. по: «Мэн-да бэй-лу». С. 76.
20. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 61.

21. Ср.: *Горелик М. В.* Монгольский костюм XIII—XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов»: Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1—5 октября 1991. М., 1991. Т. II. С. 97—98.
22. В качестве типологического примера глубоких перемен можно сослаться на такое любопытное явление имперского быта как массовое использование неразборных юрт, установленных на подвижные платформы, влекомые быками или верблюдами. Брат Вильгельм де Рубрук описывает юрту на повозке, которую тащили 22 быка. Неразборных юрт у современных монголов не существует. Мобильные жилища были вызваны к жизни потребностями крупных военных кампаний, которые вела империя на всем пространстве Евразии, см.: *Ибрагимов А. А.* Некоторые материалы к вопросу о колесном движении у кочевников Средней Азии // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. 1962. Т. 15. С. 128—137.
23. *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // *Altaica*. IV. М., 2000.
24. *Кляшторный С. Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 140.
25. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. I. С. 102.
26. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. С. 103.
27. *Школяр С. А.* Сычуаньский мятеж 1207 г. и его место в отношениях между государствами Южной Сун и Цзинь в начале XIII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (Докл. и сообщ.). Январь 1982. М., 1983. Ч. I. С. 219—221.
28. Об этом сообщают брат Салимбене из Пармы, с которым брат Иоанн вел доверительные беседы, после своего возвращения в Европу, см.: *Salimbene de Adam*. *Chronica* // MGH SS 32, L. 296b; и некий схоластик из Лиона, который передает рассказ брата Бенедикта, см.: *Sinica Franciscana*, vol. I: *Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV*. Collegit, ad fidem codicum rededit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929. [Relatio Fr. Benedicti Poloni, 9]
29. Ср. с речью Огуза покоровшимся ему франкам: «И пусть каждые два месяца ко мне прибывает один человек из вашего племени. Я буду выдавать ему почетные одежды и отсылать обратно», см.: *Фазлаллах Рашид ад-Дин*. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., примеч. и указ. Р. М. Шукуровой. Баку, 1987. С. 49.
30. Ср. с текстом послания великого хана папе, оригинал которого был обнаружен в 1920 г. в архивах Ватикана, см.: *Pelliot P.* La lettre du Grand Khan Güyük a Innocent IV // *Revue de l'Orient Chrétien*. 3e série 3. Vol. XXIII. Paris, 1922—1923. P. 3—30.
31. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Бунятова. М., 1996. § 32. (Памятники письменности Востока. CVII).
32. Ср. с описанием мусульман Самарканда в записках о путешествии Чань-Чуня в Среднюю Азию в 1222—1233 гг.: «Мужчины и женщины заплетают волосы. Шапки у мужчин издали виднеются, как горы: шапки украшены разноцветной тканью, по которой вышиты узоры облаками; к ним привешиваются кисти. Такие шапки носят, начиная с главы, все чиновные люди; простой же народ, вместо шапки, обертывает голову куском белой *мосы* [род холста] около шести футов. <...> Платье старейшины одинаково с его соотечественниками, а голова обернута тонкой *мосы*, длиной в 32 фута на бамбуковой тулье» (*Палладиус [Кафаров П. И.]*. Си ю цзи, или описание путешествия на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV. С. 325—327).
33. Примечание Н. П. Мункуева, см.: «Мэн-да бэй-лу». С. 185.
34. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. О. И. Смирновой; Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; Ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 208.
35. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946. Т. III. С. 58.
36. *al-Makīn ibn al-'Amid*. *Chronique des Ayyoubides* / Trad. A.-M. Eddé et F. Micheau. Paris. Académie des Inscriptions, 1994. P. 120 (Documents relatifs à l'histoire des croisades, XVI).
37. *У Хань*. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. И. Желуховцева, Л. А. Боровкиной, Н. Ц. Мункуева; Под ред. В. П. Илюшкина; Предисл. Л. С. Переломова. М., 1980. С. 131.
38. *Горелик М. В.* Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV—XV вв. // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. М., 1983. Ч. I. С. 69.
39. *Ручи Гонсалес де Клавихо*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406) / Пер. со старонсп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 63.
40. *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 171.
41. *Мурзулия Н. П., Шушарин В. П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII—XIII веках. М., 1998. С. 174—176.
42. *Баяр Д.* Указ. соч. С. 117.
43. Ранее эту мысль высказал Ришар, ср.: *Richard J.* Sur un passage de Simon de Saint-Quentin. Le costume, signe de soumission dans le monde mongol // *Études mongoles et sibériennes* 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996. P. 231—232.
44. [*Измаилов А. В.*] Обзорение Монголии // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1819. Ч. 6. С. 111—113.
45. Там же. С. 111—113.
46. *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893. С. 80.
47. *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеева и А. В. Назаренко; Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 167.
48. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 223.
49. *Лылов А.* Скифская история / Подгот. текста, коммент. А. П. Богданова; Отв. ред. Е. В. Чистякова. М., 1990. С. 119.
50. *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 1001.
51. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства / Перевел с немецкого Ф. Томанский. СПб., 1773—1788. Ч. I. С. 460.
52. *Баяр Д.* Указ. соч. С. 117.
53. Там же. С. 117.
54. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка М., 1986. Т. IV. С. 272.